

Хоть и говорилось, что гром [1], дождь и роса[2] — всё являлось милостью государя, однако неизвестно, когда дождь и роса, в отличие от грома, привели к благодати.

Огненный император Янь-ди смилостивился, и дело тотчас же круто изменилось, тёмные тучи рассеялись, а золотые лучи солнца вознеслись в небеса.

Надёжная тюремная камера после того, как её привели в порядок, совершенно обновилась, к тому же верный придворный лекарь Чэнь наносил визиты, чтобы проверять пульс. С того момента тихая тюремная камера во Дворце Наказаний словно превратилась во временные покои наследного принца: слуги входили и выходили, подавали чай, наливали воду, ждали поручений и прислуживали.

Мэнь Ци тоже справлялся с приказами и, по-прежнему исполняя высочайший указ, принёс вырезанную из белого нефрита исцеляющую статую божества, которую расположил в углу тюремной камеры, и проговорил:

— Государю известно, что Его Высочество Юн Ци серьёзно болен, поэтому Его Величество пожаловал исцеляющую статую божества. По слухам, если её принести в дар больному, он исцелится. — Услышав, что она пойдёт на пользу Юн Ци, Юн Шань спешно привёл себя в порядок и лично зажёл благовония.

Спустя некоторое время слуга принёс из императорской вышивальной комнаты несколько новых зимних одежд. Юн Ци, Юн Шань и Юн Линь — каждый из трёх сынов императора получил свою долю.

Как только дождь и роса обрушились на сыновей императора, непрерывно одаривая их благодатью, у них от капель закружились головы, приводя в недоумение.

Глупый Юн Линь несколько дней злился, потом голодал, мёрз, терпел брань и подвергался перевязкам. Если бы Огненный император Янь-ди тайно не приказал Сюань Хуниню приглядывать за юношей, то, вероятно, тот по-прежнему терпел бы побои. На этот раз солёная рыба ожила [3]. В конце концов придя в себя, юноша каждый день говорил тюремному слуге, что хочет отличного вина и разных деликатесов, чтобы наверстать упущенное и поесть некогда любимые им блюда.

Кусая пышущую жаром дармовую свиную рульку, Юн Линь неразборчиво сказал стоящему рядом со столом Ту Дуну:

— Уважаемый Ту, не беспокойся. Мы, когда-то потерявшие удачу братья, премного благодарны тебе за заботу. Я, Юн Линь, не забываю о людском добре, подожди, как только я выйду, то обязательно отплачу тебе милостью.

Находившийся рядом Ту Дун, отправив людей за едой и вытянув руки вниз в знак уважения, стоял в стороне. Услышав слова Юн Линя, слуга с искренностью проговорил:

— Так говорить Вашему Высочеству не стоит, ведь Ваше Высочество тогда оказали большую услугу моему брату. Как только я увидел, что Вы попали в беду, то протянуть руку помощи посчитал своей обязанностью. Даже если бы это был какой-либо пустяк, надеюсь отплатить Вашему Высочеству услугой за услугу, я, Ту Дун, разве не сделал бы этого?

— Ты прав, — Юн Линь, напротив, обрадовался такому нраву слуги и радостно похлопал жирными от мяса руками. — Хорошо! Только эти слова являются моей оговоркой, так или иначе, когда я выйду, вместе выпьем вина и сыграем на деньги. Ведь это с виду мы с вами являемся принцами и охранником, но тайно мы приятели, и это не подлежит обсуждению!

Ту Дун засмеялся, осторожно бросил взгляд на находящегося в комнате Юн Шаня и, не осмеливаясь слишком наглеть, фальшиво отказался:

— Играть на деньги во дворце является нарушением правил. Ваш слуга не осмелится вновь совершить подобное. Если Ваше Высочество не отвергнет моё предложение, то я подожду, когда Ваше Высочество выпустят, и мы с толпой охранников за пределами дворца будем угощать Вас. Поставим стол и устроим банкет, чтобы смыть с лица Вашего Высочества несчастный вид.

Юн Линь сказал, смеясь:

— Иди ты! Передо мной притворяетесь порядочными. Вы, братья, от природы заядлые игроки, можете бояться правил дворца? Банкет сразу же убираем, подождите, я выйду, и матушка непременно даст мне огромную порцию даров гор и моря [4]. Да, кстати, — он внезапно остановился, обернулся и, взглянув на двух стоящих в углу слуг, что подносили еду, сказал: — Вам нет нужды заботиться о нас здесь и не нужно глупо стоять, пошли вон.

Прогнав слуг, юноша посмотрел на дверь камеры, которая вновь закрылась, и, понизив тон, обратился к Ту Дуну:

— Есть ли новости насчёт дворца наложницы Шу?

Юн Шань совершенно не принимал во внимание их беседу. Сидя у окна, он смотрел на небо, но когда услышал вопрос близнеца, повернулся и медленно подошёл.

Когда Юн Линь выгнал посторонних, Ту Дун сразу понял, что тот хочет спросить об этом, поэтому мужчина вздохнул и прошептал:

— Ваш слуга никчёмён, должен как можно меньше шептаться, спрашивая, нет ли новостей.

Юн Линь испугался:

— Столько дней прошло, а ты всё ещё ничего не разузнал? Безо всякой причины сегодня отец-

император вновь оказал милость, и нам почти весь день приносили высочайшие подношения, даже сказал, что матушка важна из-за сына. Допустим, из-за старшего брата Юн Шаня, наследного принца, отец-император не может не заботиться о матушке. Странно. Действительно ничего не удалось узнать? Хотя чуть-чуть? Во дворце наложницы Шу не было никого, кого бы можно было подкупить? Ты не остановил слуг, которые входили, не потянул в безлюдное место, чтобы спросить? Если не соглашаются говорить, то, на худой конец, дай им денег, так или иначе, найди способ всё выяснить. Если потратишься, подожди, пока я выйду и верну в двойном размере.

— Ваш слуга не трясётся над деньгами, просто не подворачивается удобного случая. — Ту Дун несколько дней был занят и совершенно ничего не разузнал, отчего ему самому было стыдно. Слуга покраснел и сказал: — Ваше Высочество целыми днями находится во Дворце Наказаний и не знает, что происходит снаружи. Дворец наложницы Шу по указу императора окружили, людям внутри запрещено выходить, а людям снаружи — входить. Хотите знать кое-что ещё? Большие ворота немного раскрыты, перед глазами охраны, что находится у входа, встречаться и просить перенести бумаги бесполезно, что уж говорить о передаче новостей.

У слушающего в стороне Юн Шаня сердце оборвалось.

Юн Линь ничего не понимал и в недоумении свёл изящные брови:

— Только вот не могу понять, что задумал отец-император [5]? Здесь и впрямь нет смысла. Даже нас пощадил, так почему отец-император до сих пор держит матушку под арестом? Если раньше она была заперта, то сейчас её тоже должны отпустить. По-моему, ситуация у неё такая же, как и у нас, она также сидит взаперти, только вот незаметно, чтобы ей преподносили вкусную еду, хорошую одежду и оказывали всевозможную милость. Но почему отец-император так поступает? Разве не были бы все счастливы, если бы матушку немедленно освободили и позволили встретиться с сыновьями?

Он думал, ломая голову, однако замыслы императора всё равно не поддавались пониманию. Юноша, подняв голову, посмотрел на близнеца:

— Старший брат Юн Шань, а ты как думаешь?

Обеспокоенный Юн Шань поджал губы, не издав ни звука.

Его характер был пронизан холодом: не проронив ни слова, юноша вгонял всех в трепет. Юн Линь вёл себя сносно, а в душе Ту Дуна неизбежно появилась шелковинка страха, стиснув зубы, слуга посматривал на лицо наследного принца.

Атмосфера тотчас же стала холодной.

Через какое-то время Юн Шань открыл рот:

— Ту Дун.

На что слуга искренне проговорил:

— Ваш слуга здесь, — с уважением вытянув руки вниз, отвечая не так, как Юн Линю.

Юн Шань медленно спросил:

— На твой взгляд, перед тем и после того, как отец-император прибыл во Дворец Наказаний, охрану во дворце наложницы Шу ослабили или всё же усилили?

— Боюсь, усилили, — поразмыслив, ответил Ту Дун и сморщил брови. — По правде говоря, государь лично прибыл во Дворец Наказаний, чтобы встретиться с двумя Высочествами. К тому же, испытывая чувство благодарности, Ваш слуга поначалу тоже полагал отправиться к государыне Шу и сообщить хорошую новость, однако, кто бы мог подумать, что, прибыв туда, Ваш слуга увидит всё ещё плотно закрытые ворота и не сможет передать сообщение. И недавно было точно так же.

— Раз уж всё осталось точно таким же, тогда почему ты сказал, что охрану усилили?

— Если посмотреть, то ворота плотно закрыты, нельзя никого впускать и выпускать. Только стражник врат Хэй Лянь ежедневно хочет, чтобы во дворце наложницы Шу и снаружи ходил караул, из-за этого стража не смеет ослаблять охрану и стала ещё усиленнее сторожить ворота. Ваш слуга узнал, что нового командующего караулом зовут У Цзяньцзэн, он прибыл из Бэйчуань и с тех пор...

— У Цзяньцзэн? — Юн Шань нахмурился.

Услышав это, Юн Линь растерянно спросил:

— Разве командующий караулом не двоюродный дядя? Из какого рода этот У?

— Отец-император уже перевёл Чжан Хуэйяо на другую должность, в императорском дворце это обычное дело. — В душе Юн Шань недоумевал, однако виду не подал и окинул младшего брата взглядом. — У Цзяньцзэн уже давно служит командиром в Бэйчуань, ты его не знаешь. Этот человек родился в городе Шицзин, поступил на военную службу, чтобы принести пользу своей стране. С малых лет он был на войне, где заработал себе настоящим ножом и настоящим копьём [6] имя и положение, в его теле ледяной холод и дух войны. Отец-император перевёл его обратно, должно быть, желая с его помощью подавить порочный дух, царящий во дворце.

Юн Линь остолбенел:

— Если желает подавить порочный дух, то пусть идёт во дворец к наложнице Цзинь. Зачем стоять у ворот дворца нашей матушки?

Юн Шань не желал дальше продолжать этот разговор и, обернувшись, спросил у Ту Дуна:

— Тогда известно ли тебе что-нибудь о наложнице Ли?

— С того момента... — Ту Дун повернул голову и, окинув взглядом лежащего на кровати Юн Ци, прошептал: — С того момента, как Его Высочество Юн Ци отправили сюда, наложницу Ли взяли под арест и заключили не абы где, а во дворце наследного принца, ей также запрещено выходить, и никого к ней не пускают.

— В последнее время отец-император давал аудиенцию наложнице Ли?

— Не слышал.

Юн Шань вздохнул:

— Тогда он не давал и матушке аудиенцию. — Юноша поднял взгляд вверх, задумавшись.

Двое человек, поняв, что юноша погрузился в свои мысли, не осмелились болтать.

Спустя долгое время Юн Шань вновь вздохнул и, отмахнувшись, проговорил:

— Больше ничего, можешь идти.

Ту Дун в душе воспринимал Юн Линя как приветливого и милого человека, а этот исполняющий обязанности императора Его Высочество Юн Шань тем не менее являлся личностью, к которой не хотелось приближаться. Хоть он не впадал в ярость и не сердился на слугу, однако юноша был подобен ледяной стене, от которой исходил холод, заставляющий невольно нервничать. Услышав, что Юн Шань приказывает ему уйти, Ту Дун спешно и учтиво поклонился и покинул камеру. Проводив взглядом слугу, Юн Линь приблизился на два шага к Юн Шаню и с изумлением спросил:

— Что случилось со старшим братом за последнее время? С удручённым видом вздыхаешь. Сначала во Дворце Наказаний положение было таким опасным, что я не заметил, как старший брат постоянно вздыхает, неужели сейчас, когда дождь прошёл, а небо прояснилось [7], наоборот, тебя пронял страх?

— Как ты узнал, что я испугался? — И Юн Шань ладонью отвесил младшему брату лёгкий подзатыльник.

Услышав шорох за спиной, юноша обернулся посмотреть и обнажил ласковую улыбку:

— Старший брат уже проснулся? Господин Чэнь действительно ценный слуга отца-императора, выписал весьма эффективный рецепт. Не спеши вставать. Осторожно, голова закружится.

Говоря это, Юн Шань спешно подошёл и, подняв подол платья, присел на край кровати, поддерживая Юн Ци за талию.

— Пить хочешь?

Среди зимы под ватным одеялом, которым укрывался Юн Ци, было тепло. Засунув руку под одеяло и коснувшись талии через тонкую ткань нижнего белья, Юн Шань почувствовал, как от ладони к сердцу поднимается приятное чувство. Юноше внезапно стало хорошо, и он чувствовал, как всё тело охватывает счастье, улыбка стала ещё шире. Подняв голову, юноша приказал:

— Юн Линь, возьми с печки горячую воду, разведи, налей полчашечки и дай мне.

Юн Линь ничего не мог поделать, ему только и оставалось, что сыграть роль прислуги, которая подаёт чай и разбавляет воду. Юноша с мрачным лицом наполнил половину чашечки горячей водой, развёл её с холодной и добродушно подал близнецу.

— Я сам, — прошептал Юн Ци, заметив, что Юн Шань снова собирается его напоить.

Огненный император Янь-ди внезапно решил посадить юношу во Дворец Наказаний вместе с братьями, но на самом деле он избавил его от ада, отправив в рай: во-первых, Юн Ци увиделся с Юн Шанем, и огромное беспокойство, что охватывало его душу, исчезло, а во-вторых, ему больше не нужно было каждый день пить лекарство, которым упрямо поили его матушка и Цин И. От этих двух вещей болезнь тотчас же отступила, за последние дни придворный лекарь Чэнь лично проверял его пульс и выписал рецепт, а от заботы Юн Шаня, который старался помочь ему, юноша наконец-то заговорил.

Хорошее лекарство, нежная забота, к тому же печка и тёплое одеяло сыграли свою роль. Хоть тело ещё толком не выздоровело, однако на щеках проступил алый румянец, а глаза, как и лицо, засияли, выражая счастье.

Из-за украденного письма юноша испытывал неопишуемые угрызения совести по отношению к Юн Шаню. Хоть старший близнец сказал, чтобы он не держал это в мыслях, однако сам Юн Ци в душе никак не мог переступить это препятствие. Каждый раз, когда Юн Шань обращался к нему с лаской, юноша чувствовал, что находится перед младшим братом в долгу, который постоянно увеличивался.

— Почему? Старший брат считает, что у меня руки грязные? — Юн Шань поднял руки, поднеся

пиалку с водой, и с улыбкой посмотрел на юношу.

Юн Ци оказался в затруднительном положении, он боялся, что не сможет вернуть долг младшему брату, но страшнее всего было вновь вызвать немилость Юн Шаня, и юноша тотчас же закачал головой:

— Нет...

— Если нет, то тогда хорошо. — Юноша вновь взял чашечку и мягко поднёс к его рту. — Пей, вода тёплая, как раз чтобы смочить горло.

Юн Ци, прожив долгое время с младшим братом, прекрасно знал его характер. Он понимал, что, лишь покорившись, обрадует юношу. Несмотря на смущение, старший брат покорно прижался к краю пиалки и тихонько понемногу стал втягивать воду.

Бледные губы, коснувшиеся белого фарфора, были такими же мягкими и нежными, словно лепестки цветов, упавшие на воду. От этого простого движения сердце Юн Шаня забилось сильнее, алая кровь стала теплеть. Смотря в растерянности какое-то время, юноша почувствовал, как тепло превратилось в жар, который клокоча опустился к низу живота.

Неожиданно отдернув руку, юноша мгновенно отстранил чашечку от губ Юн Ци.

Как раз допив до половины, Юн Ци заметил, что вода внезапно пропала. Юноша поднял взгляд и с сомнением спросил:

— Что случилось?

Оставшаяся на губах хрустально-блестящая капля воды, которая хотела сорваться вниз, выглядела соблазнительно.

— Ничего...

— Юн Шань?

— Старший брат... — неожиданно низко проговорил Юн Шань.

Из-за тяжёлой болезни Юн Ци юноша молча отдал себе строгий приказ: ни в коем случае нельзя позволять страсти затмить разум, чтобы не сделать того, что не выносит Юн Ци.

До этого момента Юн Шань прекрасно держал себя в руках, однако сейчас застывшая на губах старшего брата капля воды соблазняла, взрывная его рассудок словно фейерверк. Только тогда

юноша понял, что слишком долго был заперт во Дворце Наказаний, его молодая кровь вместе с возбуждением внезапно ударили в голову, даже совершенномудрый потерял бы всякое терпение от подобного.

Он действительно соскучился по вкусу тёплой, словно нефрит [8], коже!

Находящийся в объятиях младшего брата Юн Ци почувствовал, что тело юноши изменилось, а увидев обжигающий сильнее, чем огонь, взгляд Юн Шаня, ему всё стало понятно. Да и как тут можно было не понять? Румянец тотчас же окрасил щёки Юн Ци.

Юноша уже собирался опустить голову, однако Юн Шань уже приблизился и языком коснулся губ, захватывая чудесную росинку и проглатывая её.

Не предающийся страсти Юн Ци сейчас особенно не мог выдержать искушения Юн Шаня. Стоило юноше коснуться его губ, как старший брат почувствовал, будто язык Юн Шаня скользит по его обнажённому телу, отчего невольно задрожал и, испытывая неловкость, сказал:

— Юн Шань, так... откровенно...

— Так что? — юноша с насмешкой прошептал на ушко Юн Ци. — Старший брат хочет позволить мне коснуться себя?

Юн Ци, стиснув зубы и зардевшись, слегка кивнул.

Юн Шань внезапно застыл.

Старший близнец, широко распахнув глаза, с сомнением посмотрел на Юн Ци и надолго затаил дыхание.

Через какое-то время губы Юн Шаня разомкнулись, выпуская прерывистое дыхание:

— Старший брат только что... только что кивнул... Что это значит? — Мгновенное удивление достигло разума; понимая, что к чему, Юн Шань от изумления начал заикаться. Юноша, не осмеливаясь верить в происходящее, уставился на Юн Ци, боясь, как бы не ошибся в намерениях старшего брата и слишком рано не обрадовался.

Старший брат всегда был очень сдержан и стеснителен, как он смог так смело кивнуть?

Под взглядом младшего брата Юн Ци не мог подавить стыда. Он боялся, что румянец теперь покрывает не только щёки и шею, но даже грудь, которая была не прикрыта одеялом. К тому же юноша действительно ругал себя за то, что погряз в разврате.

Но если ему удастся порадовать Юн Шаня, то это уже хорошо.

Так или иначе, встретившись с отцом-императором и рассказав ему всю правду, его, Юн Ци, будет поджидать скорая смерть.

За вечной разлукой далеко ходить не стоит. Нужно ли теперь беспокоиться о близости, которой он уже предавался неизвестно сколько раз? Лучше уж позволить Юн Шаню немного побыть счастливым, пусть даже один раз.

Примечания:

[1] Обр.в знач: гнев.

[2] Обр.в знач: благодать.

[3] Обр. в знач.: поворот судьбы к лучшему.

[4] Обр. в знач.: изысканные яства, роскошные блюда, деликатесы.

[5] В оригинале фраза звучит как «Что за зелье [он] продаёт в кувшине-тыкве?», обр.: какие [у него] намерения, что [он] задумал.

[6] Обр. в знач.: по-настоящему, всерьёз, не притворяясь.

[7] Обр. в знач.: обстановка улучшилась.

[8] Нефрит обладает хорошей теплоёмкостью — нагретый камень долго сохраняет тепло.

<http://bllate.org/book/13372/1189623>